

Василий Лебедев-Кумач

Сердце, тебе не хочется покоя! (фрагмент)

Отрок пламенный Василий

Пожелтевший листок бумаги, исписанный четким «учительским» почерком:

«Дорогой Василий Иванович! Только на днях я узнала, что наш знаменитый поэт В. И. Лебедев-Кумач не кто иной, как мой бывший ученик Вася Лебедев. Я очень рада и горжусь, что мой ученик стал таким известным человеком... Много лет прошло с тех пор, как у меня учился Вася Лебедев в бывшем Пятницком мужском городском училище, но до сих пор у меня осталось яркое воспоминание о живом мальчике, уже тогда увлекавшемся стихами. Помню, как хорошо говорил он стих Некрасова «Орина – мать солдатская»... Ваша старая учительница О. Александрийская». На обороте письма надпись карандашом: «Отвечено 12/IX-38. Сохранить обязательно».

24 июля 1898 года по старому стилю в семье замоскворецкого сапожника родился последний, пятый по счету ребенок, нареченный по святцам Василием. Был он огненно-рыжим и веснушчатым. Мать прозвала его «кумачонком». (Не это ли первопричина будущего «революционного» псевдонима?) Сначала в доме был некоторый достаток. Отец владел мастерской и небольшим обувным магазином. Но перед империалистической войной дела пошли плохо, магазин пришлось продать, разорившийся хозяин заболел горловой чахоткой и вскорости умер. Призванный на фронт старший брат Василия погиб в австрийском плену. Семья, оставшаяся без кормильца, бедствовала. Спустя годы в автобиографии Лебедев-Кумач напишет, что в это тяжелое время он начал сочинять стихи.

Первая учительница Ольга Платоновна Александрийская выхлопотала своему лучшему ученику стипендию, учрежденную профессором-историком П. Г. Виноградовым для особо одаренных детей, благодаря которой мальчик смог учиться в гимназии. Тогда же пришло увлечение латынью и античной поэзией. Он пробовал переводить Катулла и Горация. Однажды вернувшийся в Россию из

Англии профессор-благодетель решил устроить экзамен гимназисту Лебедеву. Вопросы из истории и словесности, из латыни и классической литературы, на которые пришлось отвечать, Василий Иванович помнил потом всю жизнь. Профессор остался доволен, сохранил стипендию и пообещал по окончании гимназии взять мальчика в Оксфорд.

Учиться в Оксфорде ему не пришлось, как не пришлось получить золотую медаль, присужденную выпускнику 10-й московской гимназии Василию Лебедеву. Золота в России не хватало. Шел 1917 год.

«Нынче грезы всех столетий/ Оправдались наяву./ Как приятно, что на свете, /Что в России я живу! – написал он в марте того же года, а дальше уже в прозе: – Я боюсь ошибиться, боюсь показаться дряблым, старым и ненужным бодрой Новой России... Теперь, не видя природы, в городе, где нищета и труд непосильный, – болею и мечусь, и все бесплодно, никому от того не теплее. Как бы хотел я впитать в себя все людские страдания...»

Так, в сомнениях и тревогах, начиналась жизнь будущего знаменитого советского поэта. Об этом – его стихи тех лет. Сегодня они публикуются впервые.

Лебедев-Кумач хранил свои юношеские тетради на дне ящика письменного стола, рядом с письмом от первой учительницы...

В первые годы советской власти Василий Лебедев становится журналистом, газетчиком. «Рабочая газета», «Гудок» журналы «Лапоть» и «Крокодил» – на страницах этих изданий он впервые начал подписываться псевдонимом «Кумач», впоследствии слившимся с его фамилией. Стихи «на злобу дня», сатира, фельетон, тексты для представлений «Синей блузы» – работа, поглотившая его полностью, на деле не оставляла возможности писать «в стол». Поэт Лебедев-Кумач, чья пламенная шевелюра с годами покрывалась пепельной сединой, считал себя обязанным соответствовать историческому контексту. Стихи рождались из-под его пера, чтобы тут же переключиться на газетные полосы. «Массовая» поэзия, понятная народу, вчера победившему собственную неграмотность, и не требующая поисков философского смысла, была необыкновенно востребована и давала мгновенную отдачу. Лирик стал публицистом. Сожалел ли об этом перевоплощении? В тот момент, безусловно, нет. Слишком искренен был в своих убеждениях, полагая чрезвычайно важным

откликнуться рифмой на перелет Чкалова через Северный полюс, рекорд Стаханова или события на озере Хасан. Забыл ли он данные когда-то обещания «по указке не сгореть» и не отдать поэзию свою? Впрочем, этот вопрос из нынешнего века, а как судить одно время по законам другого?

Слава буквально обрушилась на поэта, когда в середине 30-х годов с киноэкранов страны герои первых музыкальных фильмов запели его стихи, ставшие песнями. И следом за героями «Веселых ребят», «Цирка», «Детей капитана Гранта», «Вратаря» и «Волги-Волги» их запели все от мала до велика, кто умел и не умел петь, словно подтверждая старую истину: настоящий талант не бывает одномерным и способен рождать новые грани.

Песенная поэзия Лебедева-Кумача, на первый взгляд отличавшаяся незатейливой простотой, обладала удивительным свойством: его образы зачастую становились некими словесными «крючками», цепляющими эмоциональное восприятие слушателя.

«Как невесту Родину мы любим» – кому из поэтов его времени пришло бы в голову такое сравнение?

«Холодок бежит за ворот,/ Шум на улицах сильнее» – описание утренней праздничной Москвы было физически осязаемым. Так же, как и неожиданное сравнение *«С той поры, как мы увиделись с тобой,/ В сердце радость я, как солнышко, ношу»*, рождало ощущение внутреннего тепла.

Нет, не покинул поэта его счастливый дар. Как не покинули сомнения и тревоги. Не могли трескучие газетные рифмы, написанные «срочно в номер», заглушить пронзительность его лирики, той, что, казалось, закончилась с концом Серебряного века. В ночь с 22 на 23 июня 1941 года он написал стихотворение, всеми образами, всеми поэтическими нитями связанное с его ранним творчеством. В момент сильнейшего эмоционального напряжения поэт вернулся к своим истокам. Внимательный читатель без труда обнаружит этот факт. Речь идет о «Священной войне», ставшей впоследствии великой песней.

Война, чьи жертвы были колоссальны, беспощадность сталинских репрессий, послевоенные годы разрухи и неоправданных надежд заставляли людей многое переосмыслить. Уже в первые военные месяцы, отмеченные страшными потерями Красной Армии, Лебедев-Кумач пережил огромную переоценку ценностей. 16 октября 1941 года, когда в Москве была объявлена

всеобщая эвакуация и мало кто сомневался, что город будет сдан врагу, доведенный до отчаяния поэт, на вокзале, при огромном скоплении народа, сорвал с лацкана пиджака и швырнул со словами проклятия в портрет Сталина свой орден. Этот поступок стоил ему многих месяцев, проведенных в Казанской психиатрической лечебнице НКВД, выбраться из которой удалось чудом. Потом был фронт, служба на Северном флоте, победный сорок пятый и тяжелая болезнь сердца, справиться с которой Василий Иванович уже не смог.

Он скончался 20 февраля 1949 года в возрасте пятидесяти лет. Песни, пережившие автора на многие десятилетия, поют и теперь. Его поэзия накрепко связана с историей страны, и в этом ее безусловная ценность.

Мария Деева

Неизданное

Поэзия

Всего лишиться я готов —
И пищи и питья,
Готов покинуть теплый кров,
Готов скитаться я.
Готов терпеть позор и срам.
Питать тоску-змею,
Но ни за что я не отдам
Поэзию мою.
Меня тихонько позвала,
И я пошел на зов.
Она мне душу заплела
Венком из звучных слов.
Она поет в груди моей,
Свежа, как вешний день,
И свет и ночь таятся в ней,
И яркий луч и тень...
Тоска ушла, в душе светло,
О сколько мощи, сил!
Сиянье в душу мне сошло.
Я будто воспарил...

Мне хорошо, я возле звезд,
Я верю в чудеса...
Поэзия – волшебный мост
С земли на небеса!

17 октября 1915

Пушкину

Милый Пушкин в бакенбардах!
Я так рад, тебя встречая,
На портретах, на бульваре
И среди твоих стихов.
Ты мне стал таким знакомым,
Что мне хочется порою,
Поклонясь, благоговейно
Твою руку потрясти.
И стихи твои читая
В желтом свете министерки,
Я беседую с тобою
Под шуршание страниц.
Ну их, новых и нахальных!
С их брюзжанием бонтонным,
Их, всю бурю яркой жизни
Претворивших в грезофарс!
Ты – простой, понятно-милый.
За минуты наслажденья
Шлю тебе с земли унылой
Благодарность на Парнас.

4 ноября 1915

В утешение

Пусть ты сегодня ничего не сделал
И все же сделал многое в себе.
Ты каждый миг чертил нетленным мелом
Все то, что ты приписывал судьбе...
Добро и зло растут из полумыслей,
Великие дела – из малых слов.

Никто значенья мысли не исчислит —
Она лежит основой всех основ.
Пуškai твоим стремленьям не просторно,
Пуškai ты сделать ничего не смог.
Твои мечты – посеянные зерна,
Твоя печаль – грядущего залог.

16 ноября 1915

Сочельник

Так славно в низенькой церковке
Дышать надышанным теплом,
Неловко ежиться в обновке,
Забыть о грешном и пустом.
Смотреть, как блики желтых свечек,
Что купы огненных цветов,
Из мрака выхватили венчик
И темно-строгий лик Христов.
Глядеть, как набожно толпятся
У зацелованных икон,
Внимать, молчать и растворяться,
Как будто видишь сладкий сон.
Через плечо соседу свечи
Вперед к иконе посылать,
Готовить дух к незримой встрече,
Со всеми слиться и мечтать.
Потом идти со всеми вместе,
Крестясь и шаркая, в толпу
И ощущать душистый крестик
От мягкой кисточки на лбу...

24 декабря 1915

«Средь войны, убийств, насилий...»

Средь войны, убийств, насилий,
Средь нужды и серых дел
Отрок пламенный Василий
Бодро тянет свой удел.

4 февраля 1916

Южный говор

Вы, северяне, родились из холода,
Тонкою пленкой лег на вас лед.
Смех ваш размеренный слышен не молодо.
Голос ваш ровный ручьем не поет.
Речь ваша сонная вся однотонная,
Бледная, бедная взрывностью слов...
Чужда вам южная речь перезвонная,
Речь ручейков, ветерков и цветов.
Сладко-недужны все песенки южные,
Речи певучие речкой журчат,
Точно рассыпал кто бусы жемчужные.
Точно вдали колокольцы звучат.
В счастье и горе, под солнцем и тучами,
Мягко и плавно южане поют,
Словно рождаются словами певучими,
Ткут незаметно на сердце уют.
Где б ни слышалась речь серебристая.
Милое, славное, мягкое «га».
Чудится солнце и взоры лучистые.
Чудятся пряного сена стога.

9 февраля 1916

«Ночь. Качаются лениво...»

Ночь. Качаются лениво
Желтой цепью фонари.
Простучал трамвай тоскливо
номер «три».
Или «пять». Прикрыть бы веки.
Ветер веки холодит.
Полутьма. Лишь у аптеки
свет горит.
Ноги двигаться устали.
Поскользнулся. Чуть не лег.
Что за черти накатали
тут каток?
Кто-то сзади дробит четко.

Женский шаг. Посмотрим – кто.
Хм... Гулящая походка
и в манто...
Э, да черт с ней! Свежим хлебом
Из пекарни понесло.
Подышал, взглянул на небо —
тучек нанесло.
Сторож к сторожу тащится
Погуторить и курнуть.
Поскорей бы лечь, укрыться
и уснуть.

4 марта 1916

Улыбка

Солнечным утром от счастья пьян я возвращался
от милой.
Рыжий! – мальчишка кричал, вздумав меня
подразнить.
Я улыбнулся: мальчишка смешливый, конечно,
не знал,
Как целовали сейчас рыжие кудри мои.

3 апреля 1916

Моление

В дни тяжелые сомнений
Сумрак тяжкий отгони.
Сладким мигом вдохновенья
Время скорби осени.
Пусть среди упадка духа
Словно вешний ветерок
Моего коснется слуха
Радость рифм и стройность строк.
Чтобы тяготы отпали,
Чтобы снова сильным стать,
И дорогу от печали
Смог я людям указать.

2 мая 1916

В лесу

Пахнет крапивой и прелыми листьями.
Все в паутине кусты бузины.
Глянешь меж листьев: под синими высями
Тучки прозрачные еле видны.
Узкая тропка кем-то проложена,
Тихо шагаю незнамо куда.
Плотный осиновый лист, словно кожаный,
Ветер сорвал и мне на руку дал.
Лист мне попался достойный внимания —
С пестрым жучком и слезинкой росы.
Слезка на солнце играет сиянием,
Жук, испугавшись, топорщит усы.
Бережно лист положивши осиновый,
Лег на лужайке средь вешних берез —
Слушаю счастливо говор малиновый,
Щелки кузнечьи и стрекот стрекоз.
Радостно сердце, покоем объятое,
Запахи леса щекочут в носу.
Ах, хорошо бы под пряною мятою
Вечно лежать на лужайке в лесу.

5 мая 1916

Отблеск

Никифору Ивановичу Мореву
Сегодня я стал вспоминать о далеком,
И, свет потушив, на кровать полулег,
И вдруг увидал я невидящим оком
Звездистое небо и облачка клок.
Пушистый песок, словно крупные гряды,
И в море незримых судов огоньки,
Почудилась смутно ночная прохлада
И шелест прибоя и запах камки.
Припомнилась яркая белая змейка
На бархате моря от лика луны,
И запах гвоздики, пьянящий и клейкий,
И сны золотые, и дни, точно сны.

Исчезло пространство, и миг отодвинут.
И чувства припомнили старую роль.
Во времени радужный мост перекинут...
И прежняя радость и прежняя боль.

8 мая 1916

«С зимы до мая...»

С зимы до мая
Терпел дома я
И грязь городскую —
А нынче тоскую
И хочется в лес,
Где купол небес,
Высокий и чистый.
Где звезды лучисты
Глядят с высоты
В поля, где цветы,
Где посвисты птичьи
И смехи девичьи
Вольны и легки,
Где есть мотыльки
И нет ни домов,
Ни тоскливых гудков.

21 мая 1916

«Все те, кто любит угол тусклый...»

Все те, кто любит угол тусклый,
От чуждых спрятавшись людей,
Чей каждый съезжившийся мускул
Болят от гама и огней,
Все, кто краснеет, кто заики,
Все, кто стыдится красных рук,
Кто улыбается безлико
И невпопад хохочет вдруг, —
Все милы мне и страшно близки.
Их всех хочу я приласкать,

За плечи взять, склониться низко
И что-то теплое сказать.
Мне дорога их одинокость,
Картинность неуклюжих слов,
В них часты свежесть и глубокость
И отпечаток детских снов.

12 ноября 1916

«Кто в театре плачет жалко...»

Кто в театре плачет жалко,
Кто мечтает над стихами,
У кого висит «лошадка»
В светлой зале в пестрой раме,
Тот счастливей, лучше, проще
Пропитавшихся Бердслеем,
Слабых жизнью, чувством тощих,
Тех, кто скукою лелеем.
Не вернут большого чувства
Лживо-греческие тирсы.
Лишь тому – как луч искусство,
Кто гореть не разучился.

11 декабря 1916

«Я – глубокий, страдавший и взрослый...»

Я – глубокий, страдавший и взрослый
Пред тобой, как ребенок, стою.
И рассудка ослабшие весла
Не удержат желаний ладью.
Я, боровший тоску в поединке,
О мирской размышлявший судьбе, —
Не смешно ли? – я с брюк все пылинки
Отряхнул, собираясь к тебе.

1916

«Силуэтно лиловится купол...»

Силуэтно лиловится купол
На оранжевой дымке восхода...
Грузовик с перебоем прохлюпал,
Прогнусавил гудок у завода.
Дует ветер, болезненно-знобкий,
Пробирается льдинкой за ворот.
Неохотно, медлительно, робко
Просыпается утренний город.

1916

Осень

Скука-мука, скука-жалость
В душу втиснулась тайком,
Присосалась, влипла, вжалась
Гнойно-ноющим комком...
Нет минут простых, хороших,
Ум от дум усталым стал.
Кто-то серенький, в калошах,
Сны о счастье растоптал.

1916

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул.Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул.Советская, 20, 2 этаж.